

Толстой Л. Н. Собр. соч.: в 22 т. М.: Худож. лит., 1978. Т. 1: Детство. Отрочество. Юность. С. 54.

Ходасевич В. Рай // Ходасевич В. Стихотворения [Электронный ресурс]. URL: <http://hodasevich.lit-info.ru/hodasevich/stihi/stih-64.htm>

Исследования

Васильева О. К. Образная игрушка в творческих играх дошкольников. СПб.: Детство-Пресс, 2003.

Игрушка. Ее история и значение: сб. статей: с 5 рисунками в красках на отдельных листах и с 114 рисунками в тексте / В. Боруцкий, Сергей Глаголь, В. Харузин, В. Малахнева-Мирович и Н. Бартрам; под ред. Н. Д. Бартрам, 1912 г. М.: Изд-во т-ва И. Д. Сытина.

Ковычева Е. И. Народная игрушка: учеб.-метод. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Народное художественное творчество». М.: Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС, 2010.

Костюхина М. Игрушка в детской литературе. СПб.: Алетейя, 2008.

Руднев В. П. Предисловие // Милн А. Винни Пух. Дом в Медвежьем Углу / пер. с англ. Т. А. Михайловой и В. П. Руднева; аналитич. ст. и коммент. В. П. Руднева. Изд. 3-е, доп., исправл. и перераб. М.: Аграф, 2000. (Серия «XX век +»).

РЕЦЕНЗИИ

Ю. П. Крылова

«CAR TROP SOMES ENCOR ENFANT». ЛИТЕРАТУРНОЕ ДЕТСТВО ВО ФРАНЦИИ XII В.

Рецензия на: Гаффни Ф. «Представления детства и юности в старофранцузских нарративных текстах». Фарнэм: Эшгейт, 2011 (*Gaffney Ph.* «Constructions of Childhood and Youth in Old French Narrative». Farnham: Ashgate, 2011)

Монография ирландской исследовательницы Филлис Гаффни встает в один ряд с прочими книгами, освящающими те или иные аспекты активно развивающейся сейчас истории детства, одной из целей которых является еще раз подтвердить несостоятельность положений, высказанных некогда Ф. Арьесом. Автор поднимает вопрос о том, как изображают детство и юность героев авторы северофранцузских нарративных текстов XII — начала XIII в.: *chanson de geste* и романа. Изначальная посылка автора не нова: художественная литература отражает то, что чувствовали на глубинном уровне современники, а потому ее анализ поможет нам понять, какой путь проделал человек в своем эмоциональном развитии на протяжении столетия с небольшим. Ф. Гаффни осознает шаткость своей позиции. Подобные культурные изменения больше относятся к сфере *longue durée*, чтобы изучать их на текстах одного века, происходящих из одного небольшого региона Западной Европы и имевших хождение среди читателей одного социального слоя.

Однако цель автора — не только дополнить своими данными длинный список утверждений оппонентов Арьеса, тем более, что литературные свидетельства, по ее мнению, зачастую используют некорректно в стремлении опровергнуть мнение французского историка. Книга выдвигает на первый план размышление о средневековых жанрах. Ее основной вопрос: как тип текста влияет на представление в нем детства и возможно ли проследить эволюцию развития этого представления на протяжении означенного периода? Таким образом, перспектива исследования — в выявлении культурных трансформаций через литературу, то есть как изменения

в жанре соответствовали более широким изменениям в сознании людей эпохи.

Сами избранные автором литературные жанры определяют и методику исследования. Жесты и романы мало интересовались маленькими детьми. Интерес возникает лишь в тот момент, когда оказывается, что ребенок умеет держать оружие (в первом случае) и влюбляться (во втором). Особо следует отметить практически полное отсутствие интереса к девочкам в данной литературе. В силу жанра к ним более благосклонен роман, но и там они появляются обычно уже «готовые» к своей роли: возлюбленной, подруги, жены. Ф. Гаффни обобщает свое исследование до рассмотрения в целом истории молодых в текстах XII в., а это, в зависимости от ситуации, могли быть как дети, так и мужчины до 30-летнего возраста. В этой связи автор посвящает отдельную главу рассмотрению понятий и границ возраста в средние века, сетуя, что и в наше время это сложно определить. А в рассматриваемую эпоху и подавно, когда «*puer*» («мальчик») мог быть до 28 лет, а «*iuvenes*» («молодой человек») — до 50 (с. 25)! В исследовании рассматриваются черты, присущие детям и подросткам, высказанные средневековыми авторитетами в рамках дискуссии о «возрастах человека» (Августин, Исидор Севильский, Филипп Новарский и др). Тексты сами зачастую подсказывают нам ответы фразами вроде «Я еще слишком юн, мне лишь 20 лет» (с. 138, сн. 98 («Нимская телега», ст. 610)). По подсчетам автора, в 80 % случаев эпическим героям — 15 лет (с. 34, сн. 53), что, с точки зрения сочинителей, является, судя по всему, временем инициации, перехода от детства к взрослой жизни.

Исследовательница выделяет некоторые нарративные архетипы и модели героев, которые встречаются в жестах и романах XII в.: чудесное рождение / спасение ребенка; не по возрасту мудрый герой («*puer senex*»); ребенок, чудесный своей силой; воспитанный вне семьи; жертва - гибнущий в битве или по воле обстоятельств. Целью подобного обзора является передать «дух контекста» и наметить примерный круг представлений о детстве современников, которые сводятся к двум общим определяющим факторам: природе и воспитанию. Старофранцузский поэтический нарратив в анализируемых Ф. Гаффни жанрах относится к ним двояко. Если в *chanson de geste* особое значение придается изначальным задаткам персонажа и его способности преодолевать привычные для других границы нормы, то роман актуализирует интерес к процессу взросления и влиянию на него воспитания.

На примере цикла о Гийоме Оранжском исследовательница выделяет четыре типа эпической молодежи (называя их, вместе с тем, то «*youth*», то «*child*»): обычный ребенок (Людовик); «жертва» (Вивьен); «мудрый победитель» (Ги); героико-комический персонаж (Ренуар). Авторы актуализируют в первую очередь те черты юношей, которые связаны с военной деятельностью. Их роль в произведении одна: будучи членами линияжа, помогать взрослым в управлении наследственными землями, участвовать в битвах, мстить за обиды, нанесенные родственникам. К концу интересующего ее периода, в позднем эпосе, Гаффни отмечает влияние романа на изображение молодых эпических героев. Можно наблюдать возрастающую важность женских персонажей, а также биографическую тенденцию — попытку рассказать о периоде становления героя от рождения до зрелости, что, в свою очередь, вводит другую романную идею — показать детство как период незнания, когда герой только набирается опыта.

В романе, по мнению Ф. Гаффни, акцент сдвигается с коллективной идеей, в которую включен молодой герой, в сторону переживаемого им индивидуального опыта. Сочинители рассказывают об обстоятельствах рождения героя, его взрослении, зачастую вдали от родителей, обучении, приключениях, на встречу которым он устремляется в надежде обрести семью и раскрыть тайну своего происхождения. Но основной темой в романе XII в. становится, безусловно, любовь. В связи с этим актуализируется роль героинь. Их изображение в романе существенно отличается от образов героев. Их возраст никогда не называется, обычно они уже не дети, а подростки. В отличие от мальчиков они никогда не появляются в текстах наивными и не знающими манер поведения. Они сообразительнее своих возлюбленных и нередко берут инициативу на себя. Выдвинувшаяся на первый план тема любви меняет и отношения родителей и детей. Они теперь не объединены общей родовой целью и патриархальными ценностями, но выступают как учителя и советчики детям, а также как помеха в стремлении соединиться с возлюбленной (-ым). Вместе с этим, отмечает Гаффни, одним из отличий романа от эпоса является смещение родственных отношений в сторону прямых вертикальных связей. Если для эпоса была более привычна пара «дядя-племянник», то теперь отец и мать начинают играть более заметную роль в жизни молодых героев.

Другой характерной темой для романа, но чуждой эпической традиции, является тема воспитания и обучения. Если романная

героиня к началу действия сюжета уже закончила свое образование, то одна из отличительных черт юноши, ее сверстника — незнание, которое он преодолевает в процессе повествования. В эпосе юношеская идентичность статична, делает вывод Гаффни, и определяется по большей части рождением. Романная же идентичность иная, она дается сочинителем в динамике и формируется на глазах читателя. Все вышеизложенные особенности жанровых форм исследовательница анализирует в первую очередь на примере такого характерного романа XII в., как «Персеваль» Кретьена де Труа, приводя для сравнения факты множества других романов этого времени («Роман об Александре», «Роман о Фивах», «Роман об Энее», «Клижес», «Флуар и Бланшефлор», «Галеран Бретонский» и др.).

Таким образом, в романе опыт детства и юности расценивается как ключевой для понимания истинной природы героя. Интерес романа к процессу роста и развития героев становится его существенной отличительной чертой в сравнении с эпосом, где их потенциал уже, по сути, реализован. Объединяет же два нарративных жанра XII в. их общий интерес более к юности героев, нежели к детству.

Особо Ф. Гаффни анализирует так называемые «поэмы о детстве» («*Enfance roems*»), посвящая им отдельную главу. Это поздние *chanson de geste*, появившиеся не ранее конца XII — начала XIII в., посвященные описанию детства героев, уже известных читателям/слушателям по другим произведениям («Детство Гийома», «Детство Говейна» и проч.). Поэмы не являются самостоятельной жанровой формой свои черты они заимствовали как из эпоса, так и из романа. Исследовательница полагает (не приводя, однако, оснований для поддержания гипотезы), что своей популярностью, поэмы обязаны развитию романа с его особым изображением детства как индивидуального прошлого, влияющего на последующую жизнь, а потому заслуживающего рассказа. Феномен активного появления подобных поэм о детстве автор объясняет не только общим интересом к биографии и генеалогии в это время, но и постепенным изменением в отношении к детству и в эмоциональной сфере в целом. В этом состоит и основной вывод всей работы. Ф. Гаффни показывает XII столетие как переломный момент в истолковании современниками детства и юности. На примере функционирования двух литературных жанров — эпоса и романа — автор предпринимает попытку показать, как отражаются в них глубинные изменения в культурных ценностях эпохи. Ее исследование доказывает, что роман, возникнув немного позже *chanson de geste*, был более «дру-

желюбен по отношению к юности», чем жеста, что свидетельствует о медленных скрытых тенденциях происходящих в сознании общества. Также она вписывает полученные выводы в более широкий культурно-исторический контекст, связывая возрастающий интерес к детству с ролью женщины в средневековой Европе XII в.

Сама исследовательница не претендует на новое слово в науке, считая достигнутый ею результат скромным. Ее цель — не сделать открытие, а подтвердить уже известные факты на собственном материале. Итоги своего исследования она предлагает рассматривать одним из элементов в построении культурного феномена, называемого «Ренессансом XII в.».

К достоинствам книги нужно отнести хороший язык и четкое построение каждой главы и подразделов (постановка вопроса — в начале, выводы — в конце). К слабым сторонам работы — устаревший библиографический аппарат (большая часть цитируемой литературы относится к 1960–1980 гг.). Это представляется существенным недостатком, учитывая, что обе сферы интересов автора — история детства и теория литературных жанров — бурно развиваются последние годы. К техническим недочетам я бы отнесла «глухое» оглавление. Книга пробуждала бы больший интерес, если бы читатель сразу видел все подзаголовки, которыми изобилует текст.

В целом, книга, сочетая в себе исторический и филологический подходы, будет любопытна исследователям обеих научных сфер, интересующимся средневековыми представлениями о детстве и старофранцузской литературой XII в.